

Лев Горфункель

Война, любовь
и психология

Лев Горфункель

Война, любовь и психология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432006

ISBN 9785448533952

Аннотация

Павел Лейбович Горфункель – психолог, преподаватель, участник войны. Его любили и уважали студенты, коллеги, друзья и даже недруги. Незаурядная личность, он притягивал к себе своей искренностью, принципиальностью, умом и интеллигентностью. Написанная легким языком, с юмором книга рассказывает о том, каким он был в семье, о непростых отношениях отца и сына и о том, что запоминается из детства.

Содержание

Детство	14
Война	18
Военная история не с поля боя	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Война, любовь и психология

Лев Горфункель

*Моей дорогой маме, соавтору этой книги и всей
моей жизни, – с благодарностью за то и за другое.*

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Лев Горфункель, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3395-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга написана исключительно благодаря моей маме – Анне Михайловне Горфункель. Она сохранила и перебрала множество документов и писем, написала много воспоминаний и, главное, вдохновила меня – своим примером (она написала замечательную книгу о своей сестре), своим доверием и, конечно, своей любовью к отцу. Если бы не мама, я, вообще, вряд ли бы начал эту книгу. И никогда бы не узнал, насколько это занятие может быть интересным и эмоционально содержательным. Я многое понял о жизни своего

отца, и мне многое стало понятно о самом себе. А главное – пока я писал эту книгу, я совершенно отчетливо почувствовал ту тональность, в которой надо строить отношения со своими детьми, чтобы сохранить их способность быть счастливыми. Так что маме огромное спасибо.

Мне помогли многие люди, поделившиеся своими воспоминаниями о моем отце, все они упомянуты в книге, и я всем им очень благодарен.

Отдельно хочу сказать спасибо моей жене Ирине и моему старшему сыну Максиму за полезные советы и проявленное внимание.

У меня плохая память. Просто ужасная. Она помнит множество вещей, запоминать которые совершенно ни к чему, и при этом не может воспроизвести мне меня самого (не говоря уже о других людях) в сколь-нибудь последовательном промежутке времени. Недавно у нас была встреча одноклассников. Все вспоминали какие-то события, происшествия, рассказывали, кто каким был в школе. Я ничего не помню. Так, какие-то отрывочные события, какие-то картинки – не более. И так лет до тридцати. Примерно с этого возраста, мне кажется, я помню себя более-менее отчетливо, и то, как показывает практика, это мне только кажется. Мама говорит, что это такой вид памяти и что с возрастом я буду вспоминать все больше и больше. Возможно. Но она это мне говорила, когда мне было тридцать, сейчас мне уже за пятьдесят, а до сих пор ничего не изменилось, если не считать

еще нескольких забытых лет.

Мой отец умер двадцать девять лет назад, мне было двадцать три. Он умер от инфаркта ночью в своей комнате. У него был рак легких, и это уже был приговор, но сердце не выдержало раньше. Я помню мамин стон, когда она утром нашла его, лежащего в своей комнате на полу. Помню, как вызывал скорую, чтобы как-то помогли маме, и даже не мог сказать слово «умер». Помню, как потом я пошел в университет, где отец работал, чтобы сообщить преподавателям его кафедры. Помню, что вызвал Сергея Леонидовича и в коридоре сказал ему, и он пошел сказать всем, и через минуту уже выбежала их лаборантка Ольга – она была вся в слезах. И потом я помню – все плакали. Все эти дни, когда были приготовления к похоронам, прощание, похороны... Очень много людей, и все плакали... А я почему-то нет. Я помню, что я не плакал. Не знаю почему. Сейчас я, совершенно взрослый мужик, по прошествии стольких лет набираю эти строки и натурально реву – слезы как будто накопились с тех пор.

Отца своего я помню так же, как и себя самого: отрывками, картинками... Почему-то запомнилось, что, когда мы брались делать что-то вместе (ну, например, какой-нибудь шкафчик на кухне или верстак на нашем садовом участке), дело заканчивалось ссорой. Это, наверное, было соперничество за «кто прав», возможно, в молодости это кажется принципиальным. Сейчас-то я понимаю, какая это глупость вообще, а уж в отношении близких – тем более. А тогда, ви-

димо, это казалось таким важным... Причем я не помню самих событий этих ссор, у меня просто остались воспоминания, что они были. Впрочем, один случай помню. Мы с отцом собирались сделать что-то типа серванта, и предусматривалось стекло, которое должно было скользить в пазах, как тогда это делалось. Стекло было решено купить на рынке и там же попросить отрезать по размеру. А вот как сделать кромки стекла гладкими, нецарапающимися? И тут отец говорит, что надо купить серную кислоту и ей обработать края стекла. На мой вопрос он пояснил, что серная кислота растворит поверхность стекла и загладит шероховатости. Я попробовал себе это представить и сказал, что это вряд ли. Отец продолжал меня убеждать, что это так, что серная кислота очень сильная. Вскоре мы перешли на повышенные тона. И тут я достал козырного туза, сообщив папе тоном человека, уставшего от глупого спора по пустякам и вынужденного объяснять очевидные вещи, что если бы серная кислота разъедала стекло, то ее не наливали бы в стеклянную тару. Противник был сражен наповал. Наверное, в моей жизни были и еще какие-нибудь такие же никчемные победы – не помню. Но эту помню точно. И до сих пор жалею об этом.

Но это редкий случай из нашей жизни, который я помню. В основном не помню ничего. И странное дело: несмотря на это, я почему-то уверен, что запросто могу ответить на вопрос, каким был мой отец. Он был сильный, он был строгий, умный, веселый, жизнерадостный, у него было отлич-

ное чувство юмора и огромная сила воли. Он был смелый – не боялся ничего и никого. Вообще, он был таким, что все, кто имел хоть какое-то к нему отношение, гордились этим. Он любил людей. Всегда был внимателен к ним, и особенно – к слабым. Потому что им нужна помощь. И еще он уважал себя. И поэтому ему никогда не надо было скрывать, какой он есть, никогда не надо было казаться каким-то другим, он всегда был собой. И он по-настоящему любил жизнь. А как было ему ее не любить, когда он всегда был в полной гармонии с ней и в согласии с самим собой? Вот таким был мой отец. Конечно, такой отзыв о своем папе больше достоин маленького мальчика, чем взрослого человека, способного проанализировать, обдумать и сделать выводы. Но в том-то и дело, что особо анализировать мне нечего: я практически ничего не помню, никаких конкретных событий. А откуда я это знаю – не знаю. Наверное, это какая-то память души, когда ничего не помнишь, но знаешь.

Прошло, наверное, года два, а то и три, с того времени, как он умер, когда я понял, что мне его не хватает. Не хватает так, что жизнь стала восприниматься совсем иначе, она просто стала совсем другой. Это было странно – ведь я не помню, чтобы при его жизни я привык бы, например, делиться с ним моими радостями и печалью, идти к нему за советом, просить у него помощи... Потом я понял – просто я стал главой семьи. Это когда ты чувствуешь ответственность за всех, а за твоей спиной никого нет. И это случилось внезапно, и ты

к этому не готовился, и не у кого спросить совета. И единственный, кто мог бы тебя понять и посоветовать, – тот, кто был на этом месте до тебя, твой отец.

Я стал часто ходить к нему на могилу, один, без всяких поводов. Просто приду, принесу цветы, постою, немного поговорю с ним... Мне и до сих пор – прошло уже двадцать девять лет – его не хватает. И я живу теперь далеко и редко бываю на его могиле, но все равно иногда разговариваю с ним, просто ни о чем или про какие-то события, как мы сейчас живем, какие у меня планы и какие проблемы...

Не так давно я начал читать письма, которые отец с мамой писали друг другу на протяжении всей своей жизни, и другие документы из нашего семейного архива. Раньше я как-то этим не занимался, не знаю почему. И даже не знаю точно, почему занялся сейчас, наверное, просто время пришло. Узнавая о тех или иных событиях в жизни отца, о том, как он поступал в тех или иных обстоятельствах, что говорил, чувствовал, переживал, я как будто восстанавливал физически картину, которую потерял, но помнил. Я настолько узнавал отца в его поступках и словах, как будто видел все это сам. Я прочитал все, что было, о его жизни, а в основном это была их жизнь с мамой (хотя и до встречи с ней у отца была целая эпоха в жизни – война). Вот это была жизнь! Это настоящий роман о любви, преданности и бесстрашии!

Я с сожалением отмечаю, что я не знаю среди своих знакомых моего поколения – включая и меня тоже – людей, о жиз-

ни которых можно сказать такие слова. И мне уже кажется, что мы чего-то лишились, что сегодняшние наши жизни – хоть они и с сотовыми телефонами, компьютерами, машинами и прочими достижениями технократического развития – жалкая пластиковая модель по сравнению с жизнями наших родителей. Ну, может, не всех, но моих – точно.

Смерть отца была для мамы не просто страшным ударом. Я думаю, она восприняла это как конец ее самой. Ведь отец был не просто ее мужем, он был центром ее жизни и одновременно – ее тылом. Быть вместе с ним – это было для мамы и смыслом, и способом жизни. И вдруг всего этого не стало. Тут любой может сломаться. Но только не моя мама. Она-то, конечно, уверена, что вся ее жизненная сила, которая до сих пор удивляет и восхищает всех, кто ее знает, и которая снова поставила ее на ноги и заставила идти дальше, что все это есть результат жизни с отцом. Она, конечно, уверена, что он встретил ее в далеком сорок пятом маленькой, слабенькой, пугливой девочкой, а за время их совместной жизни сделал ее сильной, стойкой, способной к сопротивлению любым вызовам жизни. Наверное, это так. Но я думаю, не совсем так. Я думаю, увидев эту маленькую, слабенькую, пугливую девочку, отец – вот что значит быть психологом от бога! – сразу разглядел в ней ее внутреннюю жизненную силу и энергию, о которых сама мама, наверное, и не подозревала. И отец в течение всех лет их с мамой жизни плавно, но последовательно раскрывал ей ее собственную силу, заставлял пове-

ритель в нее и учил пользоваться ею на собственном примере. Как будто всю свою жизнь он готовил маму к жизни после него... Они написали друг другу огромное количество писем. Как рассказывала мама, она никогда не сохраняла эти письма и даже не задумывалась об этом. И только несколько лет назад, продолжая разбирать бумаги отца, она нашла все их письма – больше тысячи. Они все были аккуратно сложены и сохранены. Мама написала много писем отцу после его смерти, она ведет собственные дневники. И недавно я все это прочитал. Она все время обращается к нему... Он никуда не делся, он до сих пор с ней...

Я думаю, жизнь моих родителей – это уникальный случай такого сплава любви и профессионального сотрудничества, да еще длящегося всю жизнь! Они были поистине талантливы – и в любви, и в профессии. Об их профессиональной деятельности уже написано несколько статей, о ней известно многое.

Они окончили Ленинградский государственный университет и в качестве профессиональных психологов приехали в Ижевск в начале пятидесятых годов по направлению от министерства – работать в Удмуртском пединституте¹. Они застали науку психологию в самом плачевном состоянии, практически в нулевом – профессионально подготовленных специалистов не было, а информация о психологии доносилась в качестве популярных сведений. Ни о каких

¹ Сейчас Удмуртский государственный университет (УдГУ).

научных подходах в изучении, а тем более в применении психологии, не было и речи. Даже о применении психологии в педагогике (институт-то педагогический, готовил учителей!) рассказывалось преимущественно на любительском уровне. Совместная профессиональная деятельность родителей длилась тридцать лет, и это целая эпоха и в их жизни, и в развитии психологии в Удмуртии. За это время им удалось не просто сдвинуть изучение и применение психологии с места, а поднять их на совершенно новый – научный – уровень. Чем только они не занимались, какие только области изучения и применения психологии не затронули!

Но это все известно и без меня. И уже несколько раз написано, хотя, конечно, далеко не все. Я и сам-то о профессиональной деятельности отца знаю из этих же источников и рассказов мамы, так что не мне об этом рассказывать.

Многих людей, знавших отца, работавших с ним или учившихся у него, впечатляла не только психология, не только профессионализм отца в ней, но – и я думаю, даже в большей степени, – сама личность отца. А проявлялась она не только в работе. Не в меньшей, а может быть даже в большей, степени она давала о себе знать в семье.

Как я уже сказал, я практически ничего не помню. И отец никогда не рассказывал мне о себе. Наверное, потому что я не спрашивал. Так что все, что я узнал теперь, – из писем, документов и рассказов, в основном маминых.

Справедливости ради, надо сказать, что мама была пра-

ва (какая замечательная фраза, не правда ли? Каждый пришедший наконец к этой мысли, может считать себя по-настоящему взрослым человеком), и, пока я собирал сведения о жизни отца, я и сам вспомнил несколько ярких эпизодов из своего детства, связанных с отцом, и крайне удивился – не тому, что я их вспомнил, а тому, что забыл. Мне было интересно писать эту книгу, и я подумал, что, может быть, людям, которые знали отца, будет интересно ее прочитать. А может, и тем, которые не знали, тоже.

Детство

Мой отец – Павел Лейбович Горфункель – родился в Ленинграде 27 октября 1923 года.

Его мама – моя бабушка, Ева Фишелевна Флейшман – родилась в большой семье в Молдавии, в маленьком городке или в сельской местности, в деревне. Во время революции и гражданской войны в Молдавии и на Украине прошла волна еврейских погромов. Спасаясь от них, убегали, стараясь спрятаться в высоких колосьях и в кустах, старики, молодежь, дети – и бабушка в том числе. Бандиты их догоняли и убивали. На глазах у бабушки были убиты ее родные – дядя, тетя, двоюродные сестры. Бабушка сумела укрыться в поле и благодаря этому спаслась. Спаслись также ее родители, брат и сестра. Впоследствии все они, кроме бабушки, эмигрировали в Аргентину – в то время многие уезжали в Южную Америку. А бабушка не поехала – она встретила моего будущего дедушку, тогда молодого красивого моряка Черноморского флота. Бабушка, кстати, была очень красивой девушкой – у нас есть ее фотография в молодости. Моряка звали Лейба Михайлович Горфункель, его знакомые и соседи звали его Лев Михайлович – так было проще. Он родился в многодетной семье, был моряком царского флота и демобилизовался после Первой мировой войны. Они поженились в Молдавии, уехали жить в Ленинград и поселились

там на улице Плеханова, где у них было две комнаты в пятикомнатной квартире, в которой до этого была оранжерея профессора ботаники из Петербургского университета. Работали они в составе артели по изготовлению головных уборов – шили на дому кепки и сдавали их в артель. Больших денег это не приносило, но жили вполне сносно. Лев Михайлович был человеком с твердым, даже жестким, характером и нежностью явно не отличался. Придя с работы или закончив какую-то работу дома, мог вполне развалиться на диване, и его мало волновало, что жена (моя бабушка) в поте лица занята работой по дому. Бабушке было тяжело от работы и обидно от такого невнимания. Но что поделать: время было тяжелое, нравы тоже, да еще и моряк – вполне можно понять. Мой отец – Павел – был старшим ребенком в семье. Через два года после него родилась его сестра Муся (Мария), а еще через пятнадцать лет – его брат Геня (Генрих). Бабушка, вдоволь хлебнувшая «еврейского счастья», настояла впоследствии на том, чтобы отчества детей хотя бы произносились «Львович», а не «Лейбович» – так их все потом и звали, а Мусю она даже сумела записать в документах как «Мария Львовна». И моего отца тоже все сначала знали как Павла Львовича. Однако он все равно позднее стал Павлом Лейбовичем, о чем расскажу дальше.

Из рассказов бабушки (она рассказывала Гене и моей маме, а они – мне) я знаю, что отец мой воспитывался на улице – в том смысле, что основную часть времени проводил

с друзьями, он никогда не делился своими проблемами с родителями, ничего не рассказывал о школе, о друзьях, его родители не знали, что ему нравится, как он живет, он как будто жил отдельно и избегал разговоров с ними. Участие его отца в воспитании ограничивалось в основном наказаниями в виде порки. Они случались не очень часто, но это был основной способ воспитания и основная форма общения Льва Михайловича со старшим сыном Павлом. Несмотря на это (или благодаря этому), мой отец своего отца уважал, считал правильными чертами его строгость и волю. Отец в детстве никогда не плакал (за исключением грудного возраста). Он даже не показывал, что ему больно. И научился этому так, что делал это всю жизнь: никогда и никто не видел и не знал, какие боли ему приходилось терпеть практически постоянно, о чем расскажу дальше. И он никогда не извинялся – как бы с него этого ни требовали. Он был не просто упорным – он был по-настоящему упертым в этом вопросе. Он настолько «напрактиковался» в этом, что и много лет спустя не мог извиниться, даже если считал нужным, и лишь после долгих лет жизни с мамой он наконец немного растаял и научился этому. А плакал он лишь дважды – и об этом тоже расскажу позднее. Так что отец с детства воспитал в себе упорство, упрямство – как хотите. И волю. Волю, которая станет для него потом настоящим стержнем, помогающим преодолевать многие трудности, а впоследствии – даже предметом профессионального исследования. Также он

с детства привык не делиться с родными своими переживаниями, проблемами, болями, вообще привык быть одиночкой и самостоятельно решать свои проблемы и переносить свои невзгоды. В детстве он был очень подвижным и очень непослушным, приносил замечания из школы за плохое поведение. Но он был очень способный, что отмечали все его учителя, его сочинения и контрольные по математике нередко отмечали как лучшие, хотя нередко он получал и неуды. Однажды он выступал на школьном вечере в присутствии родителей, загримированный под Пушкина, и читал его стихи, хорошо читал. Его запомнили дети и потом, встречая, говорили: «Вон Пушкин идет!» Его приняли в школу по классу скрипки: у него оказался абсолютный слух, но учиться он не захотел, а заставить его все равно бы никто не смог. Никаких других сведений о детстве отца не сохранилось. Он закончил школу – и началась война.

Война

Письма, которые отец писал своей маме во время войны, – единственные документальные свидетели его фронтовой жизни – не сохранились. Все, что я знаю о военных годах отца, я знаю от мамы – по ее рассказам и некоторым статьям, а также единичным документам, найденным мной в семейном архиве.

Война застала отца именно так, как это обычно показывают в фильмах о войне – выпускником школы. И именно во время празднования окончания школы в Петергофе у фонтанов объявление о нападении немцев. Отец вместе с другими одноклассниками сразу поехал в военкомат. Вскоре его отправили на шестимесячные курсы артиллеристов. Ему долго не могли подобрать форму: маленький, худосочный, размер ноги 38... Учили, конечно, максимально ускоренными темпами – а как же иначе, когда враг все ближе? И уже в декабре сорок первого отец прибыл на фронт, а дома остались его отец, мать, младшие сестра и брат. И Лена – его первая школьная любовь. Перед отъездом отца на фронт они решили пожениться сразу после войны...

Отец был назначен сначала командиром взвода, а затем батареи: четыре орудия, двадцать бойцов и еще кони – перевозить орудия. Это была двести восемьдесят шестая стрелковая дивизия Ленинградского фронта, основной задачей ко-

торого была защита Ленинграда. Отец всю жизнь гордился потом, что защищал свой родной и любимый город, свою семью, которая осталась там.

Он был самым молодым командиром батареи – восемнадцать лет. Период был самый тяжелый: немцы наступали, голод, холод, болотистая местность вокруг Ленинграда, кони застревают, не могут перетаскивать орудия. А ему надо не просто воевать, а еще и командовать людьми, отвечать за них, по крайней мере перед собой. Восемнадцать лет... Не могу себя представить на его месте в восемнадцать лет... Хотя, может, если бы я был на войне... Но я не был.

Кроме всех этих трудностей, еще были – и, наверное, самые тяжелые – трудности моральные. Ведь наступление на этом фронте началось только в начале сорок четвертого года. Это значит, больше двух лет в состоянии, когда каждый день очень тяжело, каждый день может стать последним в жизни, и нет никаких проблесков победы. Да еще и сознание того, что в городе голодают, умирают от голода. И это не какие-то абстрактные люди – это твои сограждане, твоя семья. Мама отца (моя бабушка Ева) писала ему на фронт письма, он тоже писал ей, а также отсылал все деньги, которые получал как офицер (это называлось, кажется, «аттестат»). Конечно, это были совсем маленькие деньги для семьи. Отец папы, мой дедушка, к началу войны уже серьезно болел, и бабушка все свои силы направляла на заботу о нем, на обеспечение его и всей семьи питанием. А еще были сест-

ра отца Муся пятнадцать лет и брат Генрих, все его звали Геня, четыре года, и все они как-то должны были жить. А отец был на фронте и мог только посылать им деньги и узнавать о них из писем своей мамы. Сейчас, когда я сам глава большой семьи, я могу представить (да и любой мужик, отвечающий за свою семью, может), насколько это тяжело – знать, что в твоей помощи нуждается твоя семья, а ты должен делать что-то другое, быть где-то в другом месте. А можешь и погибнуть – и кто тогда будет заботиться обо всех? Наверняка эти мысли были с отцом все время. Но он защищал Родину – что тогда могло быть важнее? Бабушка писала ему письма, и это хотя бы давало ему возможность знать, что все живы, что еще осенью сорок первого года Муся уехала в эвакуацию с техникумом, в котором училась, что папу в эвакуацию не взяли, поскольку он болел, и поэтому она, мама, осталась с папой и с маленьким Геней в осажденном Ленинграде. А потом и письма перестали приходить.

И это, наверное, еще тяжелее – полная неизвестность. Но он терпел, терпел вместе со всеми и верил в победу и в счастливую жизнь после нее. Мне отец о войне практически ничего не рассказывал, по крайней мере, я этого не помню. Но я хорошо помню следы от одного из ранений на его спине – два пулевых отверстия совсем рядом, пуля прошла вскользь, под кожей, по мышцам... Опять как начинаю примерять на себя – ведь это смерть была совсем рядом... Или контузия – рядом с отцом взорвался немецкий снаряд... Во-

обще, за время войны у отца было четыре ранения. После первых трех он все еще оставался на фронте. В то время отца наградили орденом Красной Звезды. Это была редкость – во время отступления мало кого награждали.

Через некоторое время отец получил письмо от своей мамы – нашлась! Поскольку фронтовые письма отца не сохранились, я могу только, зная о произошедших событиях, предполагать: бабушка написала отцу, что в конце сорок первого года она была арестована, и ее осудили на десять лет лагерей. Но самым страшным для бабушки было то, что, когда ее арестовали, они – ее муж и сын – остались совершенно одни. И бабушка совершенно не знала, где они и что с ними. И об этом, наверное, тоже написала. Так что ко всем боевым сложностям у отца добавилась серьезная тревога за родных, особенно, наверное, за Геню – ведь он был совсем маленьким.

Все, что произошло на самом деле, стало известно уже несколько лет спустя. Но это история, о которой стоит рассказать. Так что рассказываю.

Военная история не с поля боя

Итак, бабушка оставалась в осажденном Ленинграде с мужем и маленьким Геней. Есть было нечего, дедушка болел и умирал от голода – он уже не вставал. Бабушка всеми силами старалась поддержать его и Геню, но еды практически не было, она покупала продукты на деньги, которые присылал отец с фронта, но это были крохи, конечно, хотя он посылал все, что получал как офицер. Чтобы не дать бабушке и Гене умереть от голода, бабушка, во-первых, сэкономила на себе – она практически ничего не ела, отчего к описываемому моменту находилась в последней степени дистрофии. А еще она продавала оставшиеся от моего отца вещи и покупала продукты. Но поскольку продукты в осажденном Ленинграде были самым дефицитным товаром, то это тоже помогало не много. Но бабушка делала все, что могла. Понимая, что так долго не продержаться и что когда-нибудь она может просто не вернуться домой, умерев где-нибудь на улице, бабушка собрала два чемодана вещей, передала их соседке и попросила ее, в случае, если с ней, с бабушкой, что-нибудь случится, увезти Геню в эвакуацию к Мусе, а эти собранные вещи постепенно продавать, чтобы кормить Геню в пути. Еще она надела Гене на шею медальон с его данными, а также адресом его сестры Муси в городе Пугачеве Саратовской области, где она была в эвакуации, и старшего бра-

та – моего отца – на фронте. И однажды бабушка действительно не вернулась, но не потому что умерла: она была арестована «за спекуляцию», то есть за то, что она меняла вещи на продукты. Ей дали 10 лет лагерей. Уже после войны она подробно рассказала об этом своим детям. Из их воспоминаний: *«Мама говорила, что, если бы она была с папой, он бы не умер. В тюрьме мама подвергалась унижению – еврейка, спекулянтка. Истощенных до предела заключенных вывезли в товарных вагонах на большую землю и выгрузили перед какой-то станцией. Многие вообще не могли двигаться и умирали тут же. Кто посильнее, в том числе и мама, шли в близлежащий лес, там находили клюкву и бруснику... Мама говорила, что ее спасла жажда жизни и желание увидеть детей: „Не верила, что умру, надеялась!“»*. Потом всех оставшихся в живых почему-то отпустили. Она добралась туда, где была в эвакуации дочь Муся, – в город Пугачев Саратовской области. И они жили там, не имея никакой возможности узнать о судьбе Гени. На то, что дедушка жив, бабушка, наверное, и не надеялась – он уже находился при смерти, когда бабушка видела его в тот последний день, перед арестом. Бабушка только надеялась, что соседка сделала то, о чем она ее просила (увезла Геню в эвакуацию), и когда-нибудь, может, после войны, они его найдут. Как выяснилось много лет спустя, дедушка действительно скоро умер – на глазах у маленького Гени, соседка забрала Геню и приготовленные чемоданы и отправилась с ним в эвакуацию как

имеющая ребенка. Но на какой-то станции она сошла и исчезла, видимо, вместе с чемоданами.

Из показаний Горфункеля Генриха Лейбовича (Гени), переданных в организацию YAD VASHEM, Иерусалим, 24 декабря 1996 года: *«Хорошо помню, что я стоял перед умирающим отцом, который смотрел на меня и что-то говорил. Кто-то взрослый меня увел, это была жиличка Аня, которую с грудным ребенком вселили в нашу комнату. В то время больной отец и я четырех лет остались одни, так как маму арестовали по подозрению в спекуляции. Уходя, она просила жиличку присмотреть за нами. Еще просила, если она не вернется, а папа умрет, чтобы Аня отвезла меня в г. Пугачев Саратовской области к старшей сестре. Папа вскоре умер. Жиличка, ребенок которой умер еще раньше, собрала вещи и вместе со мной села в направляющийся на юг поезд. Где-то по дороге она сошла одна, а я доехал один, видимо, до Краснодара. Помню, что ехал в вагоне, мне давали хлеб, гладили по голове. Потом меня расчесывали, наклонив голову над бумагой, на которую сыпались маленькие желтые червячки, и мне было интересно наблюдать за их движением по бумаге... Еще помню, что был во дворе или на площади, вокруг много людей с мешками, телеги с лошадьми... Хорошо помню, что долго ехал с двумя женищинами по проселочной дороге, кругом были поля... В темноте въехали в какую-то деревню, и меня на руки взяла женищина... Потом другая женищина вела меня за руку по хутору*

в другой двор...»

Из показаний Сластениной Марии Львовны (Муси), переданных в организацию YAD VASHEM, Иерусалим, 16 ноября 1996 года: «...Гену отдали в детский дом села Новоцербиновка (Краснодарский край), как ребенка, потерявшего родителей. В это время Краснодарский край занимала немецкая армия. Воспитательница этого детского дома Тося решила с младшей сестрой Милой увезти еврейского мальчика от немцев (впоследствии она мне говорила, что еврейских детей немцы сразу отправляли в концлагерь). Тося повезла Гену в Туапсе и всю дорогу учила выговаривать слово „кукуруза“, так как он в детстве грассировал звук „р“. До Туапсе они доехать не успели, так как немцы перехватили беженцев и приказали всем возвращаться на свое прежнее место. Тося на обратном пути отдала Геночку какой-то старушке, так как боялась, что в Новоцербиновке за ним придут из полиции, которая могла узнать имена детей, зарегистрированных в детском доме. Так оно и случилось. К моменту ее возвращения уже были составлены списки лиц, подлежащих аресту. К Тосе трижды приходили „за жиденком“, но она заверила полицаяев, что он по дороге умер. О том, что мой младший брат находится в детском доме села Новоцербиновка, я узнала из телеграммы этой воспитательницы Тоси. Адрес она нашла в медальоне, повешенном мамой на шею ребенка, в котором была записка с моим пугачевским адресом и адресом старшего брата Павла Лейбовича Горфунке-

ля, находившегося на фронте. Но поехать за Геней по указанному адресу я уже не могла, так как Краснодарский край уже частично был оккупирован немецкой армией...»

Так и остался Геня в оккупированном немцами Краснодарском крае. Старушка, которой воспитательница Тося передала Геню, увезла его в свой хутор, где он в конце концов был взят к себе одной женщиной, Верой Максимовной Бурячок. Она была одинокой доброй женщиной, приютила Геню как родного и делала все, чтобы уберечь его от немцев, понимая, что если они найдут этого еврейского мальчика, то сразу убьют его. Поэтому она составила ему «легенду» и заставляла ее заучить. *«Главное воспоминание – о том, как учили меня правильно отвечать, если чужие люди будут спрашивать. Она мне говорила: „Если спросят: „Где твой батька?“; говори: „Батьки нету“, а спросят: „Кто твоя мамка?“; говори: „Моя мамка Вера“, а спросят: „Как твоя фамилия?“ – говори: „Бурячок“, а про мамку в Ленинграде молчи, и про Ленинград молчи, а то дядька заберет“. Помню, что уроки были не зря: я действительно отвечал какому-то мужчине, что батьки нет, а мамку зовут Вера. Но все-таки на меня не надеялись и уводили к соседям, когда надо было спрятать от посторонних глаз. Я помню, что ночевал в других хатах, спал на лавке или на печи...»*

Так Геню берегли всем хутором до сорок третьего года, когда пришли наши войска. Вера Максимовна была очень одинокой женщиной: *«Раньше у них была большая, друж-*

ная, работающая семья, много братьев и сестер, нужды не знали. Но в тридцатые годы их семью раскулачили, отняли дом и все имущество, отца, мать, братьев и сестер выслали за Урал. Она одна из всей семьи осталась на Кубани с мужем, который не то бросил ее, не то умер... Большие семьи у Веры Максимовны не было». Конечно, она привязалась к Гене, полюбила его, как родного, и, когда пришли наши войска, усыновила его.

Из показаний Слостениной Марии Львовны (Муси): «Лишь в 1943 году, когда эта территория была освобождена от немцев, мама решила послать меня на поиски младшего брата. В то время проехать через всю страну без пропуска было невозможно. Поэтому я написала письмо товарищу Сталину о том, что мой младший брат потерян, а от старшего нет писем с фронта, и просила помочь нам с мамой в розыске младшего брата».

Честно говоря, когда я читал эти документы из нашего архива, это обращение к Сталину выглядело в моих глазах таким наивным – с учетом количества таких обращений, которое в то время наверняка было огромным. Поэтому продолжение меня просто поразило:

«Буквально через десять дней я получила ответ за подписью Лурье, в котором говорилось, что мне выдадут пропуск для бесплатного проезда по Краснодарскому краю и предписание местным властям оказывать мне содействие».

Объездив множество сел Краснодарского края, Мусья

В КОНЦЕ КОНЦОВ НАШЛА БРАТА.

«Я пришла во двор Веры Максимовны утром, но она уже была в поле. Геночка еще спал. На столе был приготовлен целый набор прекрасных продуктов, которых в голодном Пугачеве не видели несколько лет: отварная курица, молоко, сметана, масло, каравай белого – местной выпечки – хлеба. У меня разбежались глаза и слюнки потекли. Мне мама дала в дорогу несколько кусков черного хлеба и несколько луковиц, чтобы менять в пути на продукты. Когда я разбудила братишку, он меня не узнал. Вскоре прибежала с поля Вера Максимовна, которой, пока я шла до ее хаты и спрашивала людей, уже передали, что приехали забирать ребенка. Она встретила меня очень агрессивно и не хотела отдавать мальчика, ссылаясь на то, что он ко мне не признается. Гена на мои вопросы, знает ли он меня, отвечал на чисто украинском языке: „Ни, наша Муся красна была, во яки косы были, а ты нэ гарна“. Но когда я показала ему фотографии родителей и наши со старшим братом, он схватил мамину фотографию и закричал: „Вези мэна до мамы, до ридной мамы!“ Вера Максимовна была очень расстроена и пыталась меня уговорить оставить братишку хотя бы на время: „У вашей мамы уже и так есть двое, а мэнэ никого нема. Да и голод там у вас в Ленинграде, исты нэчего, а у нас все есть. Нехай хлопец поживет у мэнэ еще, а потом заберете после войны“. Она собрала нас в дорогу. Положила в мешок много прекрасных продуктов, по тем временам целое богат-

ство: две жареные курицы, вареные яйца, огурцы, помидоры и два каравай белого хлеба. Потом договорилась в колхозе, чтобы дали машину до г. Тимашовска. Она проводила нас до машины и плакала, прощаясь с ребенком».

Вот такая история приключилась с Геней, пока его брат – мой отец – был на фронте. Могу только представить радость отца, когда он получил письмо о том, что Геня нашелся.

Геня, конечно, никогда не забывал Веру Максимовну, которую считает своей второй мамой. Он несколько раз приезжал в тот хутор, много помогал Вере Максимовне по хозяйству, его встречали всегда очень радостно, все рады были видеть его, того маленького еврейского мальчика, которого они спасали в годы войны от фашистов. Когда Гене было около тридцати лет, он женился на Инне, и они вместе тоже ездили туда, там им устроили прямо настоящую свадьбу. Вера Максимовна тоже несколько раз приезжала в Ленинград, погостить у Гени с бабушкой, и они показывали ей город. Также она приезжала, когда у Гени с Инной уже были дети. Умерла Вера Максимовна в девяносто втором году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.